

Юрий Маликов

*Мой адрес -
не дом и не улица...*

Юрий Маликов | *Мой адрес - не дом и не улица...*

Юрий Маликов

*Мой адрес -
не дом и не улица...*

*«В жизни каждого человека
звучат колокола судьбы, но не
все слышат их звон».*

УСЛЫШАВШИЙ КОЛОКОЛ

Это мудрейшее изречение Э. Хемингуэя Юрий Маликов недаром выбрал эпиграфом к своей книге. Уж кто-кто, а он точно знает, что такое вовремя услышать колокола судьбы.

Музыкант по своей первой профессии, я с увлечением изучал многие музыкальные течения в юности, которая как раз и совпала с появлением вокально-инструментальных ансамблей. Особенно мне был близок вокально-инструментальный ансамбль «Самоцветы». Во-первых, своим кровным родством с теми, для кого он творил. Песни, которые исполнялись, были понятны и дороги зрителю семидесятых, и они по праву стали классикой российской вокальной эстрады. И хотя прошло много лет, они и сегодня не утратили ни своего значения, ни красоты.

Я мечтал встретиться с Юрием Маликовым, мечтал в свои двадцать лет стать солистом его ансамбля. Но жизнь распорядилась иначе. Впервые я встретился с Юрием Федоровичем, будучи сотрудником Главного управления культуры исполкома Моссовета. А наше личное знакомство состоялось в Театре Эстрады, на сцене которого Маликов выпускал свой уникальный музыкальный спектакль

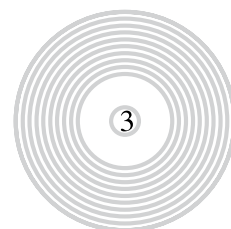
на базе ВИА «Игра в волшебный тир». Я тогда возглавлял приемную комиссию от Главка — факт этот я детально описал в своей книге «Эстрада по обе стороны Москвы-реки», где и поделился впечатлениями об этой работе ансамбля «Самоцветы». Потом, до печальных 90-х, мне удалось увидеть многие программы ансамбля. Когда у «Самоцветов» в 95-м году открылось второе дыхание, я был этому рад. Мы не раз встречались с Юрием Федоровичем в Концертном зале «Россия», где часто выступал ансамбль и где я был директором и художественным руководителем до перехода на эту должность в ГКД. С радостью откликнулись мы на предложение Маликова о проведении 30-летнего, а позднее и 35-летнего юбилея ансамбля на сцене Государственного Кремлевского Дворца.

Как быстро бежит время! Давно ли я мечтал выйти на сцену с гитарой вместе с солистами «Самоцветов», и вот уже прошло более 35 лет. Юрий Федорович очень оптимистично назвал свою праздничную программу «Вся жизнь впереди». А сколько осталось за спиной... Причем, не только хорошего, но и того, что приносило непреходящую боль. Обо всем этом он и рассказывает в своей книге — мальчишка с хутора Чеботовка, ставший одним из самых известных деятелей российской музыкальной эстрады.

Как говорили наши мастера, эстрада — не место службы, а своеобразный самостоятельный вид искусства. Эстрада — область подвижничества в искусстве, и надо иметь много мужества, чтобы стать эстрадным чародеем. Юрию Маликову это удалось.

Он долго готовился к этой книге, и я его понимаю. Ведь он не ставил перед собой задачу написания легкого чтения, увлекающего читателя лихими откровениями и ернически рассказанными эпизодами из жизни эстрадных знаменитостей. Нет, он проделал очень серьезную работу, сумев поднять на должную высоту масштабный исторический пласт нашей эстрадной культуры на примере созданного им нового вида музыкального вокального жанра. И ему это тоже удалось.

В своей книге Маликов красочно и подробно описывает историю создания и жизни замечательного ансамбля. Он

нашел удивительно добрые и справедливые слова для оценки творчества своих единомышленников и коллег. Не обошлось и без горьких слов в адрес тех, кто его предал в 1975-м, но и тут он остался всепонимающим и корректным Юрием Маликовым. Мне показалась очень симпатичной его «писательская манера» все пропускать через себя, свою душу.

Да, Юрий Федорович еще в родном хуторе, когда брал первые уроки игры на баяне у отца и деда, услышал звон колоколов судьбы и сделал все, чтобы она состоялась такой, как он ее задумал. Не все имеют право рассуждать о творчестве от имени целого поколения, я имею в виду моральное право, а не финансовые возможности. Юрий Маликов, создатель и музыкант, переживший победы и поражения, это право имеет! Он напоминает мне мудрую птицу, которая, научив своих питомцев летать, никогда не станет цепляться за их крылья. Ему есть чем гордиться... На страницах своей книги он перечислил имена талантливых людей, для которых его ансамбль стал взлетной площадкой. Хотя сегодня они и не в одной команде, но их связывают теплые человеческие отношения. И о том, что они «родные по крови», говорит сам факт их общего участия в 35-летнем юбилее ВИА «Самоцветы».

И еще. Как профессионалу мне приятно, что в своей книге Ю.Маликов говорит о родстве классики и эстрады, с великим уважением пишет о мастерах сцены. Мне думается, что отдельные фрагменты его книги, посвященные близким людям, родственникам, любимой жене, детям, которыми он гордится, — есть подтверждение жизненных и творческих критериев этого истинного рыцаря Созидания, Верности и Благородства.

*Петр Шаболтай,
президент Международного союза
эстрадных деятелей, художественный
руководитель-директор Государственного
Кремлевского Дворца, кандидат
искусствоведения, народный артист РФ.*

Мой адрес - не дом и не улица...

Глава I

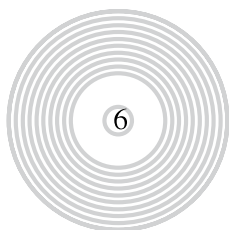

*Приглашение
к серьезному разговору*

К этой книге-исповеди, как мысленно называю свой рассказ о прожитом и сделанном, я готовился долго и, конечно, хотел ее начать со счастливых воспоминаний о создании и становлении ансамбля «Самоцветы». Но жизнь внесла свои коррективы, и когда, наконец, я взял в руки перо, на бумаге невольно появились горькие строки, с которых я и начинаю свою книгу.

Девяностые годы я пережил очень трудно. Сейчас, когда вспоминаю те времена, у меня портится настроение и душа леденеет. Людям в ту пору было не до музыки, и вообще вся духовная жизнь в одночасье подменилась одним всеобъемлющим стремлением — заработать. Я вдруг понял, что ни мы, «Самоцветы», ни наши песни никому не нужны, а я сам... Впрочем, за меня лучше всего сказал когда-то Сергей Есенин: «... И не нужна Вам наша маета, и сам я Вам ни капельки не нужен». И я впал в депрессию. Жуткое, надо сказать, состояние, печальный выход из которого я видел только в переходе на положение пенсионера. Иногда вспоминал 70 — 80-е годы — времена расцвета нашего ансамбля, но от этого мне становилось еще грустнее.

«Жизнь моя, иль ты приснилась мне?» — вслед за поэтом спросил я и, подводя итоги этому «сну», сказал Люсе,

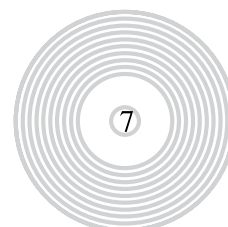

любимой жене, которая разделяла со мной все страдания и тревоги: «Все! Свой долг рожденного на земле я выполнил: построил дом, посадил дерево, вырастил не только сына, но и дочь. Ухожу в пенсионеры!». И тогда Люся ответила мне: «Прекрасно! Теперь наконец-то у тебя будет время заняться мемуарами. Потому что лучше тебя об истории ансамбля никто не расскажет, а это очень важно и для всех, кто вышел из «Самоцветов» в большую жизнь, и для тех, кто рядом с тобой прошел творческий путь «Самоцветов» на российской эстраде. Словом, давай, пиши мемуары, пенсионер».

Я тогда подумал, что это очень дельное предложение. Но пенсионера из меня не вышло, как, впрочем, и «писателя» тоже. Правда, я успел кое-что надиктовать, написать, и даже просмотрел весь архив. Но не буду оригинальным, если скажу, что работа над книгой — дело очень трудоемкое, оно требует не только литературного таланта, документальной точности, честности и принципиальности в твор-

Юбилейный концерт в Государственном Кремлевском Дворце

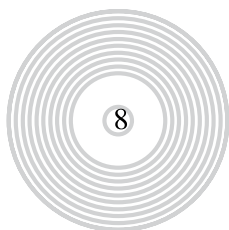
ческих оценках, но и умения вновь «пройти» свою жизнь со всеми ее потерями и поражениями, находками и радостями. А это, поверьте, очень непросто! За прошедшие годы я неоднократно пытался сесть за книгу, но только юбилей «Самоцветов», празднующих громко и весело свое 35-летие на лучшей сцене страны — в Государственном Кремлевском Дворце, и замечательные артисты, которые начали свой путь в «звезды» в нашем ансамбле, сделали это возможным. Я обязательно в своей книге перечислю талантливых людей, вышедших из «недр» нашего коллектива и принесших истинную славу российской эстраде.

В дни юбилея о нас писали многие самые разные издания. Конечно, приятно, когда тебя называют бессменным идеологом, создателем и руководителем ВИА, вошедшего в историю отечественной культуры. Но еще приятнее мне читать на страницах авторитетных печатных изданий о том, что по тиражам пластинок, количеству шлягеров, вошедших в золотой фонд советской и российской эстрады, по количеству звезд, ныне сверкающих на эстрадном олимпе, нашему ансамблю равных нет.

Нам повезло. Волей Всевышнего «Самоцветам» дарована непреходящая молодость, и наше стремление к открытиям и свершениям может служить примером для многих молодых ансамблей.

Великий композитор Родион Щедрин как-то сказал: «Научить сочинять музыку нельзя, но научиться можно. Настоящий музыкант, профессионал может объяснить какие-то вещи так, что его объяснения уберегут от синяков и шишек, набиваемых по жизни, и это даст возможность сэкономить время для познания музыкальных таинств». Такая мудрая мысль! И я, по-моему, — яркое подтверждение этому. Конечно, в своей книге я расскажу и о себе, и о близких, но это чуть позже. А сейчас мне хотелось бы поговорить преимущественно о творчестве. Не отрывая, конечно, свои деяния от этой замечательной темы.

Итак, я родился в Ростовской области, когда на земле гремели раскаты Великой Отечественной войны. Шел 43-й год. Я рос и жил как все мальчишки тех времен. По-

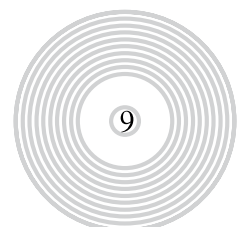

**Юрий Маликов в составе инструментального трио под руководством
Бориса Векслера**

том судьбе было угодно, чтобы я приобретал специальность в Подольском индустриальном техникуме, и здесь-то я вдруг безумно увлекся самодеятельностью. Мой папа играл на баяне, аккордеоне, гармонии, и, естественно, я имел какие-то навыки в музыкальной деятельности, а в техникуме эти навыки просто расцвели махровым цветом. Еще я научился немного играть на гитаре и, конечно же, на контрабасе.

Видимо, я все-таки стал неплохим музыкантом, потому что в 1961 году меня охотно взял в свою группу «Москонтцерт». Мне тогда было 18 лет, и я уже твердо решил, чем буду заниматься в этой жизни. В тот период я увлекался джазом, выступал даже с Игорем Брилем и Германом Лукьяновым. Думаю, удачно, так как мое профессиональное мастерство было удостоено звания лауреата первого Московского джазового фестиваля.

Я много работал, обретая профессию, окончил училище имени Ипполитова-Иванова и поступил в 1965 году в московскую консерваторию. Нашей кафедрой в консерватории заведовал Мстислав Ростропович, правда, тогда его не называли, как сейчас, Великим, но от этого он не был менее талантливым. Ему в то время было всего 38 лет, но он уже приобрел широкую известность в музыкальных кругах. Мы, его студенты, искренне любили и уважали Мстислава Леопольдовича, думаю, он нас тоже любил, хотя внешне всегда выглядел человеком очень строгим, и мы его немного побаивались. Но это скорее было уважение, чем страх. Мы знали Ростроповича как веселого и остроумного человека и понимали, как фантастически он талантлив, а талант, по-моему, не совместим с отрицательными человеческими качествами.

Вообще, консерваторию я вспоминаю как самое дорогое и святое для меня место. Там в мои времена царила особая атмосфера, которая настраивала на выполнение задуманного и очень дисциплинировала. Мне, я уверен, многое удалось сделать именно благодаря этой дисциплине. И я очень рад, что сын Дима получил образование в стенах моей любимой консерватории. Консерваторию я окончил в 1969 году, а через два года уже стал художественным руководителем созданного мной ансамбля. Как говорили в старину, упорство и труд все перетрут. Это действительно так. Вспоминая то время, невольно сравниваю себя с Шумахером: свои музыкальные университеты я осваивал в безумно напряженном ритме, мое страстное желание добраться до финиша напоминало состояние человека за рулем на старте автогонок.

Все прожитые в качестве лидера «Самоцветов» годы я провел, чего-то опасаясь. Сейчас честно признаюсь: я боялся что-то упустить, куда-то не успеть. Я действительно был своеобразным Шумахером на эстрадной дистанции, и в таком состоянии жил до 90-го года. Опять вспоминаются эти черные девяностые, кругом все рушилось, шла переоценка ценностей, гуливер-бизнес шагал по стране лилипутов... Я впервые в жизни по-настоящему растерялся.

Казалось, что все сделанное осталось где-то далеко позади. А сделано, честно говоря, было немало. Только дис-

Золотой состав ВИА «Самоцветы», 1973 год

ков-гигантов записано четыре: «Мой адрес – Советский Союз», 1972; «У нас, молодых», 1974; «Путь к сердцу», 1980; «Прогноз погоды», 1984; не считая огромного числа миньонов (пластинок, состоящих из четырех произведений).

Никак не могу «соскочить» с этой темы – дух смутного, вернее, мутного времени. Слава Богу, все это позади, и в 95–98 годах мы как-то оживились и даже записали несколько альбомов старых и новых песен. Вообще-то у нас песен в репертуаре много, но могло бы быть на одну больше. Иногда я явственно слышу вопрос, хотя кто его задает, не знаю: «Вы слышали, как поют дрозды?». Эта замечательная лирическая и романтическая песня могла бы быть нашей, но волей судьбы этому не суждено было случиться. Владимир Шаинский – композитор удивительный и человек, ни на кого не похожий. В своей умной книге «Эстрада по обе стороны Москвы-реки» известный эстрадовед

Петр Михайлович Шаболтай дал ему удивительно точную характеристику. Привожу цитату: «В кабинете у великого физика Нильса Бора висел плакат: «Вечного двигателя не существует. Это знают все. А вдруг?». Это «а вдруг» полностью относится к Владимиру Яковлевичу Шаинскому, сумевшему схватить за хвост мечту человечества и, главное, реализовать все возможности, которые ему предоставило «владение вечным двигателем».

Так вот, Шаинский принес мне своих «Дроздов» и, захлебываясь от творческого возбуждения и, как всегда, подпрыгивая, стал требовать, чтобы я немедленно приступил к записи его шедевра.

В том, что это шедевр, не сомневались ни он, ни я. Мне очень, просто очень хотелось, чтобы «Дрозды» вошли в репертуар «Самоцветов». Но я не мог начать делать это немедленно, потому что работали мы тогда в «Москонцерте» и по команде руководства на следующий день отправлялись в длительные гастроли, наши выступления были запланированы на сценах разных городов. Отменить их мы не имели права, в те времена срыв гастрольного графика карался очень строго: мы все состояли на государственной службе. А Владимир Яковлевич, к сожалению, не соглашался ждать ни дня. В этом весь Шаинский!

Когда он спросил меня: «Кто кроме вас хорошо споет «Дроздов?», я, ни на минуту не задумываясь, ответил: «Песняры». Он со мной согласился, и через месяц я услышал в исполнении «Песняров» по радио песню «Вы слышали, как поют дрозды?». Спета она была замечательно чисто, Леонид Борткевич сделал это проникновенно и очень душевно. А я до сих пор очень жалею о том, что «Дрозды» спели не мы.

А на нас Шаинский какое-то время, по-моему, все-таки обижался. Композиторы — люди своеобразные, им всегда хочется, чтобы все было так, как видится и слышится им, и только они правы. А у нас, исполнителей, зачастую бывает свое восприятие песни, которое не разрушает и не меняет музыкальной значимости творения.

Как пример могу привести инцидент, который у нас возник с замечательным композитором Серафимом Туликовым,

не принявшим поначалу нашу аранжировку его песни «Не повторяется такое никогда». Он хотел, чтобы она звучала более апофеозно, а в нашем исполнении она скорее слышалась как сердечное откровение. Туликов этого принять не мог, и даже был момент, когда он чуть не порвал ноты. Обиделся и убежал. Я тогда тоже расстроился и даже, честно признаюсь, растерялся. Песня мне нравилась, звучала она в нашем исполнении очень проникновенно, поэтому, естественно, хотелось сохранить ее в репертуаре «Самоцветов».

Слава Богу, все закончилось хорошо. Наша аранжировка понравилась дочери Серафима Сергеевича Алисе и поэту Михаилу Пляцковскому. Они-то и убедили Туликова, что только наша «подача» его песни принесет ей всеобщее признание, потому что она рассчитана на всякое отсутствие помпезности и гармоничное сочетание поэтического текста с музыкальной основой. Туликов прислушался к их мнению и поручил Мише Пляцковскому вернуть нам ноты и передать его согласие на сотрудничество.

Звездный путь. Продолжение. 1976 год

Работа в студии «Мелодия»

Мне довелось работать с разными композиторами. Есть у нас в репертуаре замечательная песня «Не надо печалиться», музыку к которой написал Алексей Экимян. Между прочим, генерал-майор милиции, без консерваторского образования. Он много души и сердца вкладывал в свою музыку и никогда не возражал против аранжировок, считая эту работу необходимой составной частью творческого процесса рождения музыкального произведения.

А вот сейчас, несмотря на обилие артистов вокального жанра, который заполнил всю эстраду, с песней ситуация складывается совсем не простая. Я уже говорил об этом, но хочу еще раз вернуться к этой теме.

Когда-то Б.С. Брунов в театре Эстрады поставил памятную программу «Татьяна, помнишь дни золотые...». Это и стало началом ретро на эстраде, то есть началом попытки вернуть сердечность и проникновенность старых песен новому зрителю. Песни-то вернуть можно, но где взять певцов, способных своим исполнением вызвать слезы любви, очищения, грусть и радость, сердечную боль и душевное умиротворение, — сделать зрителя счастливым может далеко не каждый исполнитель.

Однажды в интервью мне пришлось очень подробно отвечать на вопрос: «Почему проникновенность в песнях сейчас дефицит?». Я думаю, что ее приносили на эстраду такие гиганты, как Марк Бернес, Клавдия Шульженко, Леонид Утесов, Владимир Трошин.

А сейчас встретить искренность очень сложно. У Земфиры я ее слышу, считаю, что среди наших молодых исполнителей одаренностью выделяется Сергей Лазарев, группа «Тату». В них есть искра Божья, а это главное. Есть что-то трогательное в песне «Проститься», которую исполняет группа «Ума Турман». Но это так мало на огромную страну!

Я не вчера родился и помню времена, когда композитор мучил поэта, пока не находил идеального совпадения мелодии и слова. «Поле, русское поле...» А если заменить «поле» на «небо», то это будет совсем другая песня. В те времена у рояля между композитором и поэтом происходили настоя-

щие творческие баталии, в результате которых и рождалось их общее детище — Песня, выстраданная, радующая своих создателей. Не всегда, но очень часто в этом процессе сотворения песни был задействован и исполнитель. Теперь же зачастую поэт не знает автора музыки, а тот не знаком с поэзией сочинителя слов к его будущей песне. Каждый из них «творит» свою составляющую часть. Потом по воле нового лица — то ли продюсера, то ли менеджера, то ли спонсора — эти составные части соединяются.

Глубоко убежден, что настоящую песню должны творить единомышленники. Сейчас же все создается в отрыве друг от друга: формально пишется какая-то электронная музыка, формально придумываются тексты, формально исполняется этот материал в формальной «схеме сведения». В результате в мир «выбрасывается» очень технологичное и очень современное произведение. Одна беда: в нем нет души и нет сердечного трепета. Конечно, зрители и это «съедят», только результат будет тот же, как от некачественной пищи.

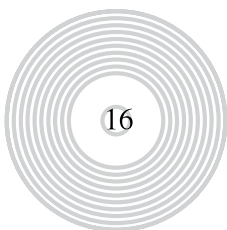
Обычно почему-то считается, что если в репертуаре коллектива есть песня на патриотичную тему или тему любви к народу, стране, то она пишется на заказ. Ерунда все это! Все лучшие советские песни написаны именно на эти темы:

*«Слушай, товарищ, война началась,
Бросай свое дело, в поход собирайся...»*

«... Идет война народная, священная война»

*«Но помнит мир спасенный...
Мир вечный, мир живой
Сережку с Малой Бронной
И Витьку с Моховой...»*

«И живу я на земле доброй за себя и за того парня...»

На гастролях в городе Тольятти. 1974 год

Любой из нас может назвать десятки песен, связанных с историей страны, народа, его подвигами. Это песни сердца, и они не создаются по заказу.

Меня часто спрашивают: «Песня «Мой адрес – Советский Союз» была написана на заказ?». История создания этой песни, ставшей нашей визитной карточкой, такова. На одном музыкальном собрании поэт Владимир Харитонов высказал пожелание, чтобы на его новые стихи была написана музыка. Когда он прочел свое стихотворение, композитор Давид Тухманов тут же сказал, что напишет музыку, и что эта песня будет предназначена для ансамбля «Самоцветы». Она нам очень понравилась. «Мой адрес – не дом и не улица...» написана от души талантливыми авторами (кстати, создателями такой замечательной песни, как «День Победы»), и мы очень гордились, что стали ее первыми исполнителями. Эта песня надолго вошла в репертуар «Самоцветов», пели ее мы всегда тоже от души. Свято вери-

ли в то, о чем пели. Уверен: если бы исполняли ее формально, то она исчезла бы из нашего репертуара и из людской памяти.

Как-то нас попросили (было это в другие времена) сделать песню «Мой адрес — Советский Союз» более маршевой, точнее, более «кондовой». У нас уже были случаи, когда к какому-нибудь празднику — Дню города, Дню защитника Отечества — надо было несколько изменить форму исполнения песни, например, убрать плавность, лиричность, усилить ритм... Я помню, мы «перерабатывали» исполнение песни, посвященной Дню строителя. Поступило указание от «хозяина» тогдашнего телевидения Сергея Георгиевича Лапина сделать ее более формальной. Сделали. Тот вариант песни

сегодня никто не помнит. А «Мой адрес – Советский Союз» до сих пор значится в числе самых любимых песен. Именно она, эта песня, объединяет жителей некогда единой страны.

В нашем репертуаре сегодня более 500 песен самых разных авторов и разной направленности. Разговор о репертуаре – сложная и интересная тема. Репертуар определяет профессионализм и значимость, вернее, общественную значимость людей, выходящих на сцену.

ВИА как явление у нас на эстраде зародилось с «Поющих гитар». А родоначальником создания песен для вокально-инструментальных ансамблей является замечательный композитор Юрий Антонов. Его песня «Для меня нет тебя прекрасней» открыла эпоху ВИА. Юрий Антонов – основоположник вокально-инструментального жанра в нашей стране, это должен знать каждый музыкант и каждый зритель – поклонник ВИА. Юрий Антонов тогда работал в «Поющих гитарах», и его песня очень способствовала росту активного интереса молодых людей к гитаре.

На волне этого интереса появились «Голубые гитары» Игоря Гранова, «Веселые ребята» Павла Слободкина, московский коллектив «Добры молодцы». Эти ансамбли сразу вызвали огромный зрительский интерес и завоевали популярность. Изначально в их программах звучали многие известные европейские шлягеры, правда, текст на них накладывался русский. Одними из первых запели свои шлягеры на родном белорусском языке «Песняры» Владимира Мулявина. Вообще, вспоминая тот период, мне сложно дать ему конкретное определение. Он был непонятный, вернее, необъяснимый – а как иначе назвать время, когда ансамбль есть, а песен, созданных отечественными поэтами и композиторами, в его репертуаре было мало. Наши вокально-инструментальные ансамбли до «Песняров» почти не исполняли родных советских песен. О времена, о нравы! Мне пришлось очень поднапрячься, чтобы найти нишу, в которую я бы мог поместить свое детище, и очень тщательно продумать образ, именно образ будущего ансамбля, его характер и, как это ни странно звучит, интеллектуальную позицию.

В те времена традиционные советские песни звучали с эстрады только в исполнении наших лучших певцов, которые авторитетно определяли качество вокальной эстрады тех лет: М. Магомаев, И. Кобзон, В. Ободзинский. Они остались лучшими и сегодня, но тогда они стали для меня просто магами, которые помогли решить великую задачу: что и как петь. С их помощью я точно определил свою нишу на эстрадных подмостках.

Судьбоносной стала для меня встреча с Марком Фрадкиным, который предложил песню на стихи М. Пляцковского «Увезу тебя я в тундру». Это было очень щедрое предложение, ведь «Тундру» вначале он планировал отдать Краснознаменному ансамблю им. Александрова, а отдал мне и моему никому не известному тогда коллективу.

Мы тогда даже имени не имели, просто назывались ансамблем под руководством Юрия Маликова. «Увезу тебя я в тундру» — это историческая веха нашей творческой биографии. Именно эта песня подарила нам имя. Однажды,

Начало пути. 1971 год

когда мы спели строчку «Сколько хочешь САМОЦВЕТОВ мы с тобою соберем...», мы вдруг разом все замолчали и посмотрели друг на друга. Это удивительно, но у всех одновременно возникло желание стать «самоцветами». И мы ими стали!

Для появления эстрадного музыкального коллектива время было сложное. В музыке 70-х годов узаконено было два направления: классическое и народное. Я уже упоминал, что на заре своей деятельности увлекался джазом.

Но в те времена джаз был не востребован, и мои попытки создать инструментальный ансамбль, чтобы играть джаз, успеха не имели. Непривычно звучащие ритмы зрителям казались неинтересными и инородными. Они не воспринимали их, мало того, по-моему, джаз даже раздражал. Это необъяснимо — ведь вместе со мной на эстраду выходили выдающиеся инструменталисты Игорь Бриль, Леон Оганезов, Михаил Банк, Симон Коган, Александр Тартаковский, тот самый, который впоследствии создал «Акварели». Действительно странно: раньше от одних этих имен зрители теряли голову и впадали в экстаз еще до того, как раздавались первые звуки. А тогда зрители просто были похожи на айсберг, «такой холодный».

Недавно в свет вышла новая книга известного эстрадооведа и театроведа Глеба Скороходова, посвященная творчеству Л. Утесова, и не только Утесова. Труд Скороходова — это расширенная панорама творческой жизни времени, когда творили такие мастера, как Дунаевский, Утесов, Эрдман, Шостакович, Зоценко... Кстати, подзаголовок «Друзья и враги», на мой взгляд, удачно соответствует отношениям всех задействованных в книге персонажей, как «гениев», так и «злодеев».

В подтверждение моего суждения о восприятии джаза в те времена хочу привести цитату из книги Глеба Скороходова, посвященной Утесову. На совещании в апреле 1949 года, проходившем под громким названием «Советская массовая песня и образы нашей современности», докладчик П.И. Апостолов обрушился на джаз, сожалея, что «некоторые

все еще увлекаются сочинением джазовой музыки» и призвал «решительно осудить попытки джазификации вкусов советских людей».

Он сказал: «Иногда это делается вполне открыто без желания оправдать сюжетом откровенно джазовый характер песенки. И сейчас кое-где наблюдаются возмутительные факты, когда танцы русские, бальные, краковяки и польки звучат в джазовом облачении, и под них начинают танцевать фоксы».

И.О. Дунаевский тогда не согласился ни с одним словом докладчика. Он сказал, что джаз уничтожить невозможно, что «джазовые элементы уже давно растворены в нашей массовой песне, способствуя появлению в ней новых моторных качеств и новых стилевых приемов».

И надо же было такому случиться: увлекшись джазом, через много лет я думал о нем и относился к нему так же, как великий Дунаевский.

Сегодня в музыкальном мире произошли значительные изменения, порожденные новыми законами и полной оккупацией творчества шоу-бизнесом.

Это зримо сказалось и на содержании, и на форме материала, который показывается на эстраде, и, конечно же, на деятельности ансамблей, чьи музыкальные приемы и художественные традиции ныне зачастую находятся во власти непрофессионалов в творчестве.

У «Самоцветов» везение началось с «Тундры», и мы потом долго считали эту песню своим талисманом. Со временем появились другие песни — надо сказать, что недостатка в предложениях у нас никогда не было. Даже замечательные «Дрозды» Владимира Шаинского сначала «залетели» к нам, но об этом я уже рассказывал.

35 лет на эстраде — это, конечно же, подвиг! Если бы наши песни утратили популярность, то до этого юбилея мы не дожили бы. Я думаю, секрет нашего долголетия и

Юрий Маликов и Михаил Ковалевский

зрительского интереса в том, что мы не бегали за модой, не пыжились переплюнуть The Beatles или кого-то из заокеанских звезд. Наш ансамбль с самого начала стремился жить и творить в одном ритме со своей страной, и в творческой деятельности мы всегда учитывали интересы тех, для кого поем.

Например, в 70-е годы, которые вошли в историю комсомольскими стройками и особой романтикой, рожденной энтузиазмом и трудовым подъемом тех дней, названных временем БАМа, у нас появилась такая песня:

*«Рельсы упрямо режут тайгу.
Дерзко и прямо в зной и пургу.
Веселей, ребята, выпало нам
Строить путь железный,
А короче – БАМ».*

Когда песня о БАМе появилась в нашем репертуаре, мы сочли для себя обязательным поехать туда, куда агитировали ехать молодежь. Эта поездка стала для нас исполнением желанной мечты. «Обязательно поедем на БАМ», — все время повторяли мы. И «Самоцветы» обязательно поехали бы туда. Но, видимо, не суждено... Дело в том, что в начале строительства там даже не было электричества, и нам с нашими гитарами некуда было подключаться. Когда же электричество перестало быть проблемой, другой проблемой стал собственный вес «Самоцветов». Мы не раз предлагали себя руководству БАМа, но, услышав, сколько мы весим (ни много ни мало пять тонн), нам всегда задавали один и тот же вопрос: «Как вы себе представляете устройство и размещение всех этих ваших тонн у нас в лесу?». Ответа мы не находили.

«Самоцветы» всегда пели о том, что считали важным — вне зависимости от актуальности момента. Зрительскую любовь завоевала песня из нашего репертуара «У деревни

Крюково». Как известно, Крюково находится под Москвой, у Зеленограда, и именно там в годы Великой Отечественной войны были остановлены фашистские войска.

*«Шел в атаку яростно 41 год.
У деревни Крюково погибает взвод.
Все патроны кончились, больше нет гранат,
Их в живых осталось только семеро —
молодых ребят».*

«У деревни Крюково» — одна из знаковых песен «Самцветов». Не могу не сказать, что лучшие наши песни создавались во времена, называемые застойными. Парадокс, но факт. И это моя принципиальная точка зрения: во времена застоя в стране никакого застоя в творчестве не наблюдалось! Именно в те годы писались интересные книги, снимались замечательные фильмы и создавались хорошие песни. Все, что во времена застоя создавалось в искусстве, отличалось удивительно умным содержанием, фантастически интересными решениями, и, что немаловажно, высочайшей духовностью. И еще — во всем созданном всегда чувствовалась и-зю-мин-ка. А уж как любят и ценят зрители эту самую изюминку, и говорить не надо.

Действительно, странно: когда страна погружалась в застой, творческая энергия билась через край. Необъяснимый факт!

Сейчас ситуация совсем другая: ярких, поражающих и очаровывающих творений нет, но жизнь стала вполне цивилизованной. И дома строим, и квартиры благоустраиваем, и одежда, и еда на любой вкус... Только Политехнический музей штурмом не берем, у памятника Маяковского стихами не заслушиваемся, классика даже на сцене уважаемых академических театров в новом прочтении не радует душу... Новых Вампиловых нет. И о главном говорят «старые» песни. А где новые? Впрочем, это уже другая тема. Я иногда думаю, что многим людям не импонирует то, что

Юрий Маликов с группой «NEW Самоцветы». 2006 год

происходит в сегодняшней поп-музыке, иначе почему наши песни-долгожители сегодня «спасают» программы дискотек?

Мне все песни из репертуара «Самоцветов» очень дороги и своей трепетностью, и патриотизмом, и актуальностью на все времена. Я считаю, что нам очень повезло: ведь с нами всегда работали лучшие поэты и лучшие композиторы. Песни – они родные, они – дети для тех, кто их создает и поет. Песни – самое любимое и дорогое, что есть в душе у каждого из нас.

Вот почему я уверен, что, осуществив новый проект, создав «New Самоцветы» и передав им как бесценный дар наши песни – песни ВИА «Самоцветы», но с новыми современными аранжировками, мы сделали важное дело – продлили жизнь любимым песням.

Кто-то очень лихо придумал формулировку «Старые песни о главном». Никакие они не старые, они просто о главном – были, есть и будут. А сейчас, назвав их старыми, о них вспомнили, потому что брешь закрыть надо, а нечем. Вот песня из разряда старых:

*«Как это все случилось, в какие вечера?
Три года ты мне снилась, а встретила вчера...»*

Какие хорошие трепетные слова и запоминающаяся мелодия. А вот нынешнее песенное объяснение в любви:

*«Ты целуй меня везде –
Я ведь взрослая уже».*

Так и хочется к этому добавить: «Банька моя, я твой тазик».

«New Самоцветы» – это наш проект с Инной Маликовой. В составе ансамбля – молодые артисты, уже успевшие стать известными. Александр Постоленко начал свою

творческую биографию в мюзиклах «Notre Dame de Paris» и «Ромео и Джульетта», Михаил Веселов — призер «Фабрики звезд», женскую половину представляют две очаровательные певицы, продолжательницы актерских династий — Яна, дочь солиста «Песняров» Валерия Дайнеко, и Инна, моя дочь, выпускница Российской Академии театрального искусства. Она является не только солисткой коллектива, но и вместе со мной автором проекта и руководителем нового ансамбля. Я уже говорил, что ребята поют многие наши известные песни: «Али-Баба», «Все, что в жизни есть у меня», «Лето-лето» и другие. Разумеется, песни эти звучат в новых аранжировках. Помимо песен первых «Самоцветов», солисты нового ансамбля будут исполнять и песни, написанные специально для них. Это просто замечательно, что жизнь песен «Самоцветов» будет продолжаться в звучании молодых голосов и в их собственном прочтении каждой новой песни.

Задумывая новые «Самоцветы», мы совсем не пытались создать что-то ультрамодное, вызывающе оригинальное — нужно было сохранить сердечность и задушевность родных нам песен, и у нас это получилось.

Кстати, эстетика туалетов исполнителей и их манера проживания на сцене продуманно приближены к очарованию нашей старой классической эстрады. Все должно радовать «глаз и слух зрителя» — так говорил последний конференсье ушедшего века Борис Сергеевич Брунов, к этому стремимся и мы.